

ВАЛЬТЕР

ШЕЛЛЕНБЕРГ

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ СЛУЖБА
ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

СЕКРЕТНЫЕ ОПЕРАЦИИ НАЦИСТСКОЙ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ

Вальтер Шелленберг

**Разведывательная служба
Третьего рейха. Секретные
операции нацистской
внешней разведки**

«Центрполиграф»

УДК 355.401(430)

ББК 68.4 (430)

Шелленберг В.

Разведывательная служба Третьего рейха. Секретные операции нацистской внешней разведки / В. Шелленберг — «Центрполиграф»,

ISBN 978-5-9524-5899-4

Воспоминания Вальтера Шелленберга, начальника внешней разведки службы безопасности Третьего рейха, — это описание подлинных событий, в которых он принимал личное участие или получал сведения из первых рук. Дело Зорге, заговор с целью убийства Сталина, история операции «Цицерон», рассказ о личной жизни Гитлера, Гиммлера, Геринга и Гейдриха, операция «Цеппелин», «Красная капелла» и многие другие интригующие секреты разведки нацистов вплоть до краха Третьего рейха Шелленберг описал без прикрас, не стремясь к самооправданию, скорее вновь переживая ощущения обладания властью и собственной значимости. По общей оценке британских «охотников на шпионов», проводивших допрос Шелленберга, это был человек без понятий о чести, верности и правилах приличий, хладнокровный, всегда расчетливый реалист, ничего не оставляющий на волю случая. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 355.401(430)

ББК 68.4 (430)

ISBN 978-5-9524-5899-4

© Шелленберг В.

© Центрполиграф

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	13
Глава 2	19
Глава 3	26
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Вальтер Шелленберг
Разведывательная служба Третьего рейха
Секретные операции
нацистской внешней разведки

Walter Schellenberg
Hitler's Secret Service

* * *

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2023

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2023

Предисловие

Воспоминания Вальтера Шелленберга стоит прочесть хотя бы как сборник первоклассных шпионских историй. Текст оправдывает ожидания от заголовков: заговор с целью похищения герцога Виндзорского, дело братьев Фитингоф, польский разведчик К. и шпионская сеть в посольстве Маньчжурии, захват агентов британской разведки в Венло и выслеживание коммунистической организации – «Красной капеллы». Все эти эпизоды – не выдумки, а взяты из истории последних двадцати лет, и о них рассказывает человек, который возглавлял службу внешней разведки при Гитлере.

Когда нацисты пришли к власти в конце января 1933 г., Вальтер Шелленберг был двадцатидвухлетним молодым человеком, искавшим работу. Три года в Боннском университете, в течение которых он переключился с изучения медицины на изучение права, дали ему небольшой запас знаний. Как и тысячам других студентов университетов, ему оставалось полагаться только на свой ум в те времена, когда получить работу было труднее, чем когда-либо раньше. Как и тысячи других людей в аналогичной ситуации, он вступил в нацистскую партию не по убеждению, а увидев в этом очевидную дорогу к успеху.

Максимально используя свое образование, Шелленберг позаботился о том, чтобы вступить в ряды чернорубашечников отрядов охраны (СС) – в СС находились «лучшие люди», – и ухватился за возможность получить работу в СД – службе безопасности рейхсфюрера, созданной в рамках СС Гейдрихом – еще одним молодым человеком, делавшим карьеру.

На протяжении всей карьеры (которая закончилась, когда ему было тридцать пять лет) это был мир Шелленберга – мир разведки и контрразведки, в котором могло случиться самое невероятное, а обычное поведение или простота побуждений были редкостью, и ничто не принималось за чистую монету; мир, в котором ложь, подкуп, шантаж и поддельные документы, предательство и насилие были частью повседневности.

Все это – иллюзорной привлекательностью шпиона и тайного агента – Шелленберг наслаждался в полной мере. Когда он писал свои мемуары после войны и вновь переживал свои похождения, у него была возможность вновь пережить волнение и ощущение деятельности, отсутствие которого он остро чувствовал, как наркоман. Когда доходит до описания кабинета, который он занимал в качестве главы внешней разведывательной службы Германии, он пишет с нескрываемой гордостью: «Микрофоны были везде, вмонтированные в стенах, под письменным столом, даже в одной из ламп, так что любой разговор и любой звук автоматически записывались... Мой письменный стол был похож на маленькую крепость. В него были встроены два пулемета, которые градом пуль могли обстрелять все помещение. Все, что мне нужно было сделать в экстренном случае, – это нажать на кнопку, и оба пулемета начали бы стрелять одновременно. В то же время я мог нажать другую кнопку, и сирена вызвала бы охрану, чтобы окружить здание и перекрыть все выходы... Всякий раз, когда я выезжал на задание за границу, у меня был постоянный приказ иметь во рту искусственный зуб, содержащий достаточное количество яда, который мог убить меня в течение тридцати секунд, если меня схватят. Для верности я носил кольцо с печаткой, в котором под большим синим камнем была спрятана золотая капсула с цианидом».

Шелленберг рисует нам портреты нацистов, не увиденных глазами представителей оппозиции, или генералов, или политиков вроде Папена и Шахта, стремившихся подчеркнуть свое неодобрение, а так, какими их видел один из их же соратников. В этом и состоит ценность его книги как исторического свидетельства, потому что пока никто из тех, кто уже опубликовал свои воспоминания об этом периоде, не занимал достаточно высокого положения, чтобы знать и воочию видеть все, что происходило в центре власти.

Чтобы оценить это, необходимо изучить положение организации, в которой Шелленберг сделал свою карьеру, – СД – *Sicherheitsdienst*, или служба безопасности СС.

Когда Гитлер назначил Генриха Гимmlера рейхсфюрером СС в январе 1929 г., СС (от немецкого *Schutzstaffel* – отряды охраны) были всего лишь личной охраной Гитлера, насчитывавшей менее трехсот человек. К январю 1933 г. численность этой охраны выросла до пятидесяти двух тысяч, и СС превратились в элитный корпус в рамках частной армии бойцов СА (*Sturmabteilungen* – штурмовые отряды), носивших коричневые рубашки. В ходе печально известной чистки 30 июня 1934 г., когда был убит руководитель СА Эрнст Рём, СС под руководством Гимmlера было поручено провести аресты и казни, а месяц спустя они получили в награду статус независимой организации. Внутри самих СС еще в 1931 г. была создана отдельная служба разведки и безопасности – СД, а летом 1934 г. СД, подчинявшаяся главному помощнику Гимmlера Гейдриху, была признана единственной разведывательной и контрразведывательной организацией партии.

На протяжении пятнадцати месяцев после прихода Гитлера к власти шла острая борьба (она описана двумя свидетелями с проигравшей стороны – Рудольфом Дильсом в книге «Люцифер перед дверью», 1949, и Х. Б. Гизевиусом в книге «До самого конца», 1947) между Герингом, министром-президентом Пруссии, и Гимmlером, который официально был начальником полиции в Баварии, а также рейхсфюрером СС, за руководство гестапо (или тайной государственной полицией) Пруссии. Здесь тоже грозный альянс Гимmlера и Гейдриха оказался успешным, и в апреле 1934 г. Геринг неохотно уступил руководство прусским гестапо Гимmlеру, который пошел дальше и стал начальником всей полиции Германии в июле 1936 г.

Эта двойная должность – начальника государственной полиции и одновременно рейхсфюрера СС (должность, независимая от государства) – дала возможность Гимmlеру создать личную империю, которая в ходе последующих лет войны начала угрожать затмить государство, партию и вооруженные силы.

Гимmlер добился этого не благодаря силе своей личности (она была невелика), а благодаря уникальному положению, которое тайная полиция должна занимать в диктаторском государстве. Власть тоталитарного режима покоится на двойном фундаменте – пропаганде и терроре. Инструментом террора в гитлеровской Германии было *Reichsicherheitshauptamt* (РСХА) – Главное управление имперской безопасности, созданное в сентябре 1939 г. с целью объединить в одну организацию государственную тайную полицию (гестапо) и службу безопасности СС.

Главное управление имперской безопасности было плодом деятельности Рейнхарда Гейдриха. Портрет этого зловещего помощника Гимmlера впервые предстает перед нами со всеми подробностями на страницах этой книги. РСХА сконцентрировало в руках полудюжины людей (одним из которых стал Шелленберг) все полномочия на проведение шпионской и разведывательной деятельности, допросов и арестов, пыток и казней, на которых, в конечном счете, стоит диктаторское государство. Вся его работа велась семью отделами, из которых здесь следует упомянуть лишь четыре. Отдел АМТ III, возглавляемый Otto Олендорфом, вел разведывательную деятельность в Германии и на территории оккупированных стран. Его аналогом был АМТ VI, который занимался разведкой в зарубежных странах. Отдел АМТ IV, старое гестапо, под руководством Генриха Мюллера был создан, чтобы «бороться с противодействием государству». АМТ V, возглавляемый Артуром Небе, контролировал криминальную полицию (крипо), обязанностью которой было бороться с преступностью.

АМТ IV, куда сначала был назначен Шелленберг, имел много ответвлений («РСХА, АМТ IV А 4В несет ответственность за сбор в одном месте, перевозку, расстрел и удушение в газовых камерах по крайней мере трех миллионов евреев», – Эдвард Крэнкшо. Гестапо. Лондон, 1956). Шелленбергу как главе АМТ IV Е было поручено вести контрразведывательную работу для гестапо в Германии и оккупированных странах. В июне 1941 г., когда началось вторжение в Россию, он принял на себя руководство и реорганизовал АМТ VI – службу внеш-

ней разведки. Наконец, летом 1944 г. после ликвидации абвера – военной разведки и контрразведки Верховного главнокомандования Германии, которая под руководством адмирала Канариса и генерала Остера использовалась в качестве прикрытия подпольной оппозиции Гитлеру, Шелленберг взял на себя дополнительную ответственность за военную разведку Германии и таким образом добился своей цели, создав объединенную службу внешней разведки.

Шелленберг никогда не входил в число нацистских вождей. Его портрет редко появлялся в газетах. Он принадлежал к категории «парней из подсобки» – механиков диктаторского государства, и он единственный представитель этой чрезвычайно важной группы людей, который написал свои воспоминания. По счастью, Шелленберг был гораздо более заинтересован в изложении того, что он видел и делал, нежели в приведении оправданий. У него был дар рисовать портреты. Он изображает Мюллера, Риббентропа, Кальтенбруннера, Канариса и самого Гимmlера живыми людьми и придает им те характерные человеческие черты, без которых сам воображаемый элемент в их действиях и высказываниях остается неубедительным. Ни один из них не произвел на Шелленберга такого глубокого впечатления, как Гейдрих, а страницы, на которых он описывает свои отношения с Гейдрихом – «человеком с железным сердцем», – одни из самых лучших в этой книге.

На внутреннюю политику нацистской Германии (как и любого диктаторского государства) оказывала преимущественное влияние ожесточенная и непрекращающаяся борьба за власть не только между соперничающими организациями – Главным управлением имперской безопасности, министерством иностранных дел, министерством пропаганды, Верховным главнокомандованием и нацистской партией, но и внутри каждого из этих ведомств. Шелленберг был специалистом в области интриг обоих видов, что было ему необходимо, чтобы выжить. Так как он постоянно общался с Гейдрихом и Гимmlером и пользовался их доверием, он дает нам ценные сведения о постоянном поглощении власти руководителями СС. Его злейшие враги находились в его же Главном управлении имперской безопасности, ими были Кальтенбруннер (преемник Гейдриха) и в гестапо – Мюллер. Только благосклонное отношение Гимmlера давало возможность Шелленбергу спастись от их попыток уничтожить его.

Задачей Шелленберга было организовать разведывательную работу за границей, и это означало, что он также имел хорошие возможности следить за ходом и последствиями политики Гитлера в отношении врагов, союзников Германии и оккупированных стран. Двумя большими областями, которые его особенно интересовали, были оккупированная Россия и Дальний Восток; в обоих случаях его воспоминания значительно расширяют наши знания. Он подробно описывает шаги, предпринятые с целью внедрить немецких агентов за линией российского фронта и помешать ответному проникновению коммунистических агентов в Германию. Он видел возможности, упускаемые в России из-за упрямой приверженности Гитлера политике необузданной жестокости, и дает нам интересную информацию о попытках японцев стать посредниками между Германией и Советским Союзом. Из этого возник его амбициозный план (сложившийся в начале 1942 г. согласно его собственному рассказу) добиться компромиссного мира, используя свое влияние на Гимmlера.

О некоторых моментах Шелленберг осторожно умалчивает. Он едва упоминает о концентрационных лагерях или массовых убийствах евреев, хотя и те и другие находились в ведении Гимmlера и СС, а также у него можно найти едва ли одно-два предложения об оппозиции Гитлеру в Германии и заговоре в июле 1944 г., о котором он, вероятно, знал очень многое, хотя бы из-за той роли, которую сыграл разгром этого заговора в его планах добиться контроля над абвером.

Финальный эпизод, когда он единственный раз попытался непосредственно повлиять на ход главных событий путем убеждения Гитлера начать независимые переговоры о мире, уже хорошо известен (Х. Р. Тревор-Роупер. Последние дни Гитлера, 1950; граф Бернадот. Занавес падает, 1945, и Воспоминания Керстена, 1956). Но рассказ Шелленберга более чем у какого-

либо другого автора освещает оторванную от реальности атмосферу, в которой существовали нацистские руководители в последние месяцы войны, и банкротство их власти. Даже предложения предпринять независимые действия было достаточно, чтобы у Гимmlера случился нервный срыв, и в какой-то момент Шелленберг привел астролога, чтобы поддержать робкую решимость рейхсфюрера СС. Несомненно, никогда еще человек не сосредоточивал в своих руках такую власть и не был настолько неспособен использовать ее в чем-то большем, чем в качестве подчиненного. Неудивительно, что Гитлер, будучи самым недоверчивым из всех людей, никогда не ощущал, что его положению угрожает сосредоточение в руках Гимmlера власти, которую ему давали несколько должностей. По уже указанной мною причине я полагаю, что воспоминания Шелленберга независимо от интересного повествования имеют немалую ценность как историческое свидетельство очевидца. Теперь мы должны обратиться к изучению их подлинности.

После краха Германии Шелленберг нашел себе убежище у графа Бернадота в Швеции и использовал это время, по предложению графа, для подготовки отчета о переговорах, в которых он участвовал в последние месяцы войны. Это так называемый Тросский меморандум, названный так по имени шведской деревушки, в которой он был написан, и который является основой повествования, изложенного в последних главах воспоминаний. Однако вскоре союзные державы сделали запрос о выдаче Шелленберга, и в июне 1945 г. он вернулся в Германию и предстал перед судом в Нюрнберге. Подготовка его защиты и его допрос офицерами союзников дали еще один повод для того, чтобы вспомнить события его карьеры.

В суде над главными военными преступниками Герингом, Риббентропом и другими нацистскими лидерами Шелленберг выступил только в качестве свидетеля. Суд над ним самим начался лишь в январе 1948 г., когда он предстал перед Американским военным трибуналом по делу «Вильгельмштрассе» (Соединенные Штаты Америки против Эрнста фон Вайцзеккера и др.). Среди двадцати подзащитных, кроме Вайцзеккера и Шелленберга, были Вильгельм Кепплер, Боле, Ламмерс, Дарре, Мейсснер и Шверин фон Крозиг. Все они занимали видные, хотя и не ведущие, должности при нацистском режиме вроде государственных секретарей, второстепенных министров или глав правительственных департаментов. Обвинения против них были обширные, и судебный процесс тянулся долго. Обвинительное заключение состояло из восьми пунктов от планирования агрессивной войны и преступлений против человечности до членства в преступных организациях. Слушания длились пятнадцать месяцев, и приговор был вынесен лишь в апреле 1949 г.

Шелленберг был оправдан по всем обвинениям, кроме двух. Он был членом СС и СД, которые Международный военный трибунал объявил преступными организациями в ходе суда над главными военными преступниками, а департамент, который он возглавлял (АМТ VI), был признан виновным в соучастии в казнях без суда и следствия ряда русских военнопленных, набранных для операции «Цепелин». Суд счел, что вину Шелленберга смягчают его усилия помочь пленным в концентрационных лагерях на последних этапах войны, какие бы мотивы его к этому ни побуждали. Он был приговорен к шести годам тюремного заключения (которое должно было отсчитываться с июня 1945 г.), и это был один из самых легких приговоров, вынесенных судом.

Шелленберг недолго находился в тюрьме после суда, так как ему необходима была серьезная операция, и в начале июня 1951 г. вышел на свободу по акту о помиловании. Он нашел себе прибежище в Швейцарии и там начал работу над своими мемуарами по контракту с известным в Берне издательским домом «Шерц ферлаг». Однако вскоре швейцарская полиция нашла Шелленберга и попросила покинуть страну. Через границу он перебрался в Италию и поселился в маленьком городке под названием Палланца на берегу Лаго-Маджоре.

Летом 1971 г. Альфред Шерц пригласил молодого немецкого журналиста Харпрехта помочь редактировать мемуары. Харпрехт (с тех пор Харпрехт опубликовал под псевдони-

мом Штефан Брант полный отчет о восстании 17–18 июня 1953 г., который был переведен на английский язык как «Восстание в Восточной Германии», 1955) принял это предложение и приехал в Палланцу в конце августа 1951 г. Он увидел Шелленберга, больного и несчастного человека. Стоит привести описание Харпрехта:

«Худой, среднего роста, правильно одетый – ничего особенного; его можно было бы принять за обходительного адвоката или бизнесмена средней руки. Его вежливость была слишком натянутой, чтобы быть безукоризненной, несмотря на природное обаяние. Его голос был мягким, но небрежность, с которой он формулировал фразы, не всегда была убедительной.

Казалось, что Шелленберг стремится завоевать симпатию собеседника с самых первых минут. Возникло ощущение, что его большие яркие глаза вопрошают: как вам нравится этот Вальтер Шелленберг, бывший шеф разведки Германии, и может ли он все еще производить впечатление на окружающих, как раньше. Если он сталкивался с возражениями в споре, демонстрировал, что способен внезапно уступать. С обезоруживающей улыбкой он начинал поддаваться точке зрения своего оппонента, капитулируя на условиях, о которых он пытался вести переговоры честно и мягко.

Эта выраженная степень восприимчивости объясняет его необычный дар интеллектуальной адаптивности, который, без сомнения, был одним из секретов его карьеры. Его исключительный талант ассимиляции, в конце концов, производил впечатление ненадежности, в то время как его почти женская чувствительность делала его таким же переменчивым в настроении, какой бывает кинозвезда, уже не уверенная в успехе».

И хотя Шелленберга беспокоили постоянные боли и он был сильно озабочен тем, чтобы раздобыть денег на покрытие своих расходов, Харпрехт полагает, что его самым горьким унижением был тот факт, что никто больше не проявлял к нему интерес, а итальянская полиция даже не позаботилась установить за ним наблюдение. Его особенное негодование вызывало то, что не он, а генерал Гелен (бывший начальник отдела Генштаба «Иностранные армии на Востоке») был приглашен американцами заниматься организацией разведслужбы, работавшей против русских. В качестве компенсации Шелленберг создал свой собственный выдуманный мир, намекая на сообщения от глав государств в изгнании, финансовую помощь от большого бизнеса и постоянное наблюдение со стороны английских и французских агентов, которые следили за каждым его шагом. Даже простая поездка в Милан была окружена аурой таинственности.

Так как Шелленберг находился в таком состоянии психики, было естественно, что он придавал большую важность своим воспоминаниям, черновик которых приближался уже к тысяче страниц. Заново переживая триумфы своей былой карьеры, он уходил от убогой безвестности своей жизни в настоящем. Задача Харпрехта состояла в том, чтобы навести порядок в черновике и помочь ему заполнить пробелы в памяти. Эта работа уже прерывалась поездкой в Испанию (во время которой Шелленберг помирился со своим давним недругом Отто Скорцени, проживавшим в то время в Мадриде), а теперь она еще замедлилась из-за быстрого ухудшения здоровья Шелленберга.

Некоторое время Шелленберг сознавал, что ему жизненно необходима еще одна операция, если он хочет избавиться от мучившей его болезни печени. Но он слишком долго откладывал эту операцию, попал в больницу слишком поздно, чтобы врачи могли спасти ему жизнь, и умер в клинике Форнака в Турине в последний день марта 1952 г.

В начале лета того же года госпожа Шелленберг вернулась из Палланцы в Дюссельдорф, захватив с собой рукопись воспоминаний. В Дюссельдорфе она встретилась с доктором Верне-

ром Бестом, который когда-то был сотрудником ее мужа в СС, а позднее стал немецким губернатором оккупированной Дании. В то время Вест работал в канцелярии доктора Ахенбаха – одного из экспертов по внешней политике нынешней Свободной демократической партии и юриста из Рура, который выступал в роли защитника бывшего помощника Геббельса Вернера Наумана, когда последний был арестован британскими оккупационными властями в январе 1953 г.

По совету Веста госпожа Шелленберг отказалась от публикации мемуаров через швейцарскую фирму и решила предложить их немецкому издателю. Фактически та их часть, которая вышла в свет, была сенсационным рассказом в мюнхенском иллюстрированном журнале «Квик», основанным на реальных событиях из воспоминаний; личность Шелленберга не раскрывалась. Статьи, которые явно были написаны «призраком», были объявлены мемуарами высокопоставленного офицера СС – таинственного «полковника Z».

Причины такой анонимности неясны. Возможно, издатели «Квик» полагали, что швейцарская фирма Альфреда Шерца все еще могла притязать на авторские права или что фрау Шелленберг находилась под влиянием угроз лично ей и ее детям. В конечном счете, полная рукопись все еще не опубликованных воспоминаний была куплена Андре Дойчем у мюнхенского издательства «Квик».

Когда рукопись прибыла в Лондон в большом чемодане, она была в совершенном беспорядке. Господин Дойч сумел сверить ее часть с материалом, оставленным Шелленбергом шведскому издательству «Норшtedт», и показал ее доктору Говертсу – партнеру издательства «Шерц и Говертс», который поддерживал связь с Шелленбергом и его женой с 1950 г. В конечном счете, он пригласил Харпрехта приехать в Англию и изучить рукопись. Харпрехт подробно изучал материал в течение недели. Он указал на многочисленные примечания на рукописи, сделанные его собственной рукой, и с удовлетворением отметил, что это подлинный черновик, над которым он работал с Шелленбергом в 1951 г.

Летом 1955 г. меня попросили прочитать английский перевод этой рукописи. Тогда я не знал, как она попала в руки Дойча, но я был удовлетворен тем, что имеющиеся в ней факты дают возможность сделать вывод, что это воспоминания Шелленберга. Рукопись была явно написана человеком, который знал всю подноготную СД, Главного управления имперской безопасности и немецкой разведки. Все факты согласовывались с другими отчетами об описанных в ней событиях и людях, но тем не менее были достаточно независимыми, чтобы можно было предположить, что они были собраны воедино из вторых рук. Мой вывод подкрепляла мысль о том, что если кто-то набрался терпения и имел знания, чтобы сфабриковать столь полный рассказ, он приписал бы авторство человеку более известному, чем Шелленберг, и придал бы ему более сенсационный характер.

Все это менее чем достоверный факт, но я лично считаю, что Шелленберг написал (или предоставил материал таким людям, как господин Харпрехт, для написания) первоначальный черновик мемуаров и что впоследствии перевод был сделан с этого черновика. Это не перевод всей рукописи, так как один лишь ее объем вызвал необходимость сокращения, а другие пропуски и добавления, вполне возможно, были сделаны уже после того, как оригинал ушел из рук Шелленберга в 1952 г. Также не думаю, что было бы разумным считать Шелленберга достойным доверия свидетелем в тех случаях, когда его показания не могут быть подтверждены. Вполне естественно, что он представляет свою собственную роль в этих событиях в наиболее благоприятном свете и зачастую с некоторым преувеличением своей значимости.

Эти оценки важны, но то же самое можно сказать о многих других томах исторических мемуаров. На мой взгляд, они не уменьшают ценность и привлекательность изложенного ниже, так как Шелленберг со всеми его недостатками (а они достаточно очевидны, чтобы нуждаться в акцентировании) имел два редких качества как автор воспоминаний. По большей части он ограничивается описанием событий, о которых знал не понаслышке, и он в некоторой степени

лишен того стремления к неискреннему самооправданию, которое портит столь многие воспоминания немецких деятелей, опубликованные в эти годы. К написанию мемуаров его подвигло желание вновь пережить, а не отречься от ощущения обладания властью и собственной значимости. Именно это отсутствие чувства смущения, раскрывающее характер, и делает его более ценным историческим свидетелем.

Алан Буллок

Глава 1

Успехи нацистов

Первые годы. – Последствия кризиса в обществе. – СС и СД. – Собрание партийных лидеров. – Ночь длинных ножей Рёма. – Тайные приказы из Берлина. – В министерстве внутренних дел. – Влияние Гейдриха на мое положение. – Подготовка и использование разведывательных донесений

В этой книге я постараюсь описать развитие, организацию и деятельность разведывательной службы Германии при власти национал-социалистов. На протяжении всего времени существования этого режима я был тесно связан с этой организацией, и с ранних дней моей юности я испытывал разнообразное влияние, которое и привело меня к этой области деятельности на благо моей страны и моего народа.

Я родился в 1910 г. – достаточно рано, чтобы узнать ужасы Первой мировой войны. Мы жили в Саарбрюккене, и в возрасте всего семи лет я пережил первый в своей жизни авианалет, когда французы бомбили город. Тяжелая зима того года, голод, холод и нужда навсегда останутся в моей памяти.

Французы оккупировали Саар после поражения 1918 г., и наш семейный бизнес – мой отец занимался изготовлением фортепьяно – сильно пострадал из-за последовавшего за этим экономического спада в регионе. К 1923 г. дела были настолько плохи, что мой отец решил перебраться в Люксембург, где находилась другая отрасль его бизнеса. Так, очень рано в своей жизни я вступил в контакт с миром вне Германии и получил знания о Западной Европе, особенно о Франции и французах.

Я был самым младшим из семи детей. В раннем детстве именно мать давала нам христианское воспитание, которое оказало на меня самое сильное влияние. Мой отец был слишком занят своим бизнесом, и лишь в более поздние годы его более либеральная философия и мировоззрение начали воздействовать на мой образ мыслей.

Я посещал реформистскую реальную гимназию – школу, которая готовила абитуриентов для поступления в университет, делая упор на языки и естественные науки. Профессор истории, который во многом повлиял на мое интеллектуальное развитие, пробудил во мне интерес к эпохе Возрождения и политическим и культурным течениям, которые зародились в этот период. Я был захвачен проблемами отношений между народами и государствами и политическими и экономическими силами, которые возникают из этих отношений. Положение моей семьи в Сааре и Люксембурге также заставляло меня испытывать личный интерес к этим вопросам, особенно в части иностранных дел.

Летом 1929 г. я поступил в Боннский университет. Первые два года я изучал медицину, а затем сменил ее на юриспруденцию, так как мы с отцом решили, что она послужит наилучшей основой либо для коммерческой карьеры, либо дипломатической службы. Также с одобрения своего отца, вместо того чтобы вступить в Союз католических студентов, я вступил в одно из студенческих обществ, в котором имелся кодекс чести и дуэлей, как и во многих из них.

Тем временем Германию поразил экономический кризис, и бедность, охватившая весь народ Германии, затронула и мою семью, и меня. Наше финансовое положение становилось все более напряженным, и, чтобы продолжать учебу, я был вынужден просить государственную субсидию. Мое положение стало ничуть не лучше после того, как я сдал свои выпускные экзамены. В Германии было принято пройти определенный период ученичества, аналогичный

стажировке клерка в Англии, прежде чем начать юридическую карьеру. Для таких целей также можно было получить государственные гранты, и я подал прошение на его получение.

Это было весной 1933 г. – в год, когда Гитлер пришел к власти. Судья, занимавшийся моим прошением, предположил, что мои шансы на получение гранта существенно повысились бы, если бы я вступил в нацистскую партию и стал бы членом одной из ее организаций – СА или СС.

В университете я почти не обращал внимания на текущие политические проблемы, но, безусловно, я не пребывал в неведении относительно тяжести общественного кризиса – на тот момент в Германии было шесть миллионов безработных – и ничто не предвещало появления какой-либо помощи из внешнего мира, чтобы поддержать демократические элементы Веймарской республики. После прихода к власти нацистов люди стали верить в то, что более жесткий подход новой власти приведет к решению как их внутренних проблем, так и проблемы места Германии среди других государств. Однако именно мои личные финансовые трудности подтолкнули меня к решению вступить в партию, хотя я и не могу сказать, что пришел к этому решению с каким-то большим нежеланием или трудом. Было очевидно, что необходима мощная программа, которая преодолела бы самую острую социальную несправедливость Веймарской республики, дала бы Германии равный статус среди других государств и привела бы к пересмотру Версальского договора. Мне казалось справедливым, что Германия должна бороться за те права, за которые всегда боролось каждое суверенное государство и особенно Франция.

В то время тысячи людей совершенно разного происхождения спешили вступить в национальное социалистическое движение, хотя зачастую и по различным причинам. Я, как и большинство этих людей, был уверен, что Гитлер – политический реалист, который, захватив власть, оставит наиболее экстремистские и неразумные аспекты своей программы, такие как меры против евреев. Они, вероятно, были полезными для того, чтобы привлечь к себе сторонников в прошлом, но они, безусловно, не могли стать принципами управления современным государством.

Все молодые люди, вступившие в партию, должны были вступить и в одно из ее формирований. СС уже тогда считались «элитной» организацией. В личную охрану фюрера вступили довольно многие мои сокурсники, их черная форма была стильной и элегантной. В СС были «лучшие люди», и членство в ней повышало престиж и давало социальные преимущества, в то время как «хулиганы из пивной» – члены СА находились за рамками дозволенного. В те времена они представляли собой самые экстремистские, необузданные и фанатичные элементы нацистского движения.

Не могу отрицать, что в возрасте двадцати трех лет такие вещи, как общественный престиж и, скажем, чарующая сила нарядной формы, сыграли немалую роль в моем выборе. Однако реальность оказалась для меня гораздо менее привлекательной, чем я себе представлял. Однообразная военная муштра, которая составляла главное занятие обычных членов СС, мне не нравилась. Мы должны были являться на службу три вечера в неделю, а по субботам и воскресеньям делали долгие и изнуряющие марши по пересеченной местности зачастую с полной выкладкой, которые должны были закалять молодых нацистов для решения великих задач, которые ждали их впереди.

Однако вскоре я сумел добиться для себя более подходящей деятельности. Стало ясно, что СС должны предлагать студентам городского университета нечто большее, чем просто марши и строевую подготовку, и мне было поручено вести идеологические беседы и читать лекции, главным образом исторического характера, на тему развития германского права и в то же время напрямую нападать на католическую церковь. Эти лекции предназначались как для студентов, так и рабочих, и вскоре они завоевали достаточную популярность. Именно моя

первая лекция, имевшая откровенный антикатолический уклон, привлекла внимание начальника СД Рейнхарда Гейдриха.

Однажды вечером я заметил в тыльной части аудитории двух пожилых мужчин в форме СС без каких-либо особых знаков различия. В конце лекции они представились: оба они были преподавателями Боннского университета – один филолог, а другой педагог-теоретик. Они сказали, что нашли мою лекцию очень интересной и хотят поговорить со мной о других сферах деятельности в СС.

От этих двух преподавателей я впервые услышал о существовании СД. Они объяснили мне, что внутри ее были: отдел внутренней безопасности, который занимался внутренними делами Германии, и отдел внешней безопасности, занимавшийся информацией, поступающей из-за рубежа. Оба отдела – чрезвычайно засекреченные организации, функцией которых было собирать информацию, которая могла помочь правительству формировать свою политику или оценивать результаты уже принятых политических решений.

Они спросили меня, не хочу ли я работать в одной из этих организаций, так как я рассказывал им о своем большом интересе к иностранным делам и внешней политике. Однако они объяснили мне, что, прежде чем я смогу начать работать в службе внешней разведки, мне нужно будет какое-то время поработать в министерстве внутренних дел. Они предложили мне продолжить свою карьеру юриста; мое положение в СД останется чисто «почетным» безо всяких обязательств с обеих сторон, а тем временем я буду свободен от всех других обязанностей в СС. Я без колебаний согласился перейти в СД и немедленно вступил в ее члены. Но мне еще нужно было в последний раз выйти на дежурство в СС в качестве охранника, которое оказалось судьбоносным и незабываемым.

Это было 30 июня 1934 г. Нас послали охранять фешенебельный отель «Дресен» в Бад-Годесберге. Весь день до нашего подразделения доходили необычные и тревожные слухи. Говорили, что в партии существуют заговоры и разногласия, надвигается беда. Шептались, что высшие руководители партии должны приехать в этот отель, и меня поставили у стеклянных дверей, которые вели с террасы в обеденный зал. Со своего места я мог смотреть вниз на долину Рейна и простирающиеся за ним горы. В обеденном зале были уже сделаны приготовления к конференции, и вскоре они прибыли. Оказалось, что слухи были правдивыми. В обеденном зале собрались высшие вожди нацистского движения, среди которых я узнал Гитлера, Геббельса и Геринга. Я мог видеть, как менялось выражение их лиц и шевелились их губы, хотя и не мог слышать того, что они говорили.

Тем временем над долиной стали собираться черные тучи, и разразилась буря. Когда полил дождь, я вжался спиной в стену здания. Небо расчерчивали ветки молний и освещали пейзаж причудливым и пугающим светом. Время от времени Гитлер подходил к стеклянным дверям и пристально вглядывался в бушующую стихию невидящими глазами. На нем явно лежал груз тяжелых и трудных решений.

После обеда заседание возобновилось, и, наконец, резким движением Гитлер положил конец обсуждению: решение было принято. Сразу же подъехали огромные черные «мерседесы», и Гитлер вместе со своими спутниками расселись по машинам. Для охраны прибыли грузовики; мы забрались внутрь и с ревом помчались вслед за «мерседесами» в ночь к аэропорту Хангелар неподалеку от Бонна, где поджидавший самолет вылетел в Мюнхен, как только вожди партии поднялись на борт.

Большая чистка Рёма и его сторонников в СА началась.

Деятельность Рёма по созданию частного вооруженного формирования, возможно, представляла угрозу государству, но это был лишь предлог для чудовищной кровавой бани, которая по приказу Гитлера началась среди его собственных сторонников в ту ночь. Движущей силой за кулисами был Генеральный штаб вермахта. Своими маневрами они заставили Геринга решить эту проблему с помощью силы. Их целью было устранение ненадежных элементов

среди нацистов, особенно среди представителей радикального крыла, возглавляемого Грегором Штрассером, который относился к социалистическому аспекту национал-социализма слишком серьезно. Однако генерал Шлейхер, который был предшественником Гитлера на посту канцлера, не был никак связан ни с Рёмом, ни с Штрассером и действительно не имел никакого отношения к этому делу. Он был застрелен по прямому приказу самого Гитлера, потому что слишком много знал о сомнительных финансовых махинациях, благодаря которым Гитлер пришел к власти.

В лице честолюбивого Гимmlера и еще более честолюбивого Рейнхарда Гейдриха Гитлер нашел добровольных палачей; каждый из них ухватился за возможность укрепить свою собственную власть. 30 июня ознаменовало господство в структуре нацистской партии СС, черную униформу которой с черепом в качестве опознавательного знака я теперь носил. Это также был решающий шаг наверх для Гейдриха. Проявленная им в ту ночь неумолимая жестокость вселила страх в души даже самых закаленных нацистских ветеранов.

Вскоре я начал свою тайную работу на СД. Информация, которую я должен был получать, касалась научных вопросов, а также политических и личных взаимоотношений в различных университетах. Мне было велено пойти на квартиру к профессору X. – преподавателю хирургии в университете, который должен был лично передавать мне указания, которые приходили запечатанными в зеленом конверте напрямую из центральной канцелярии СД в Берлине. Я ни разу не получил никакой признательности за свои письменные отчеты, и меня не покидало чувство, что я работаю в потемках. Все это начало казаться мне таинственным и ненастоящим.

И все равно я получал большое удовольствие от бесед с профессором X., которого я должен был посещать один или два раза в неделю. Часто наши беседы затягивались допоздна. Профессор был эрудированным человеком с поразительным запасом знаний общего характера; у него была великолепная библиотека, и особенно много было литературы, имевшей отношение к работе разведки.

Иногда я получал распоряжения от господина, который выглядел как коммивояжер и всегда принимал меня в небольшой гостинице. Я также установил контакт с господином К. С. Это был чрезвычайно одаренный человек, который раньше был святым отцом иезуитом; он производил на меня впечатление наиболее компетентного и умного из этих троих. Он никогда не спрашивал у меня письменных отчетов, а старался путем расспросов и беседы со мной сформировать свою собственную картину по информации, принесенной мною.

Через некоторое время ко мне снова пришел педагог-теоретик профессор Н., завербовавший меня в СД, и предложил мне переехать во Франкфурт, чтобы продолжить свою подготовку к государственному экзамену по юриспруденции в Полицейском управлении. Этот переезд, состоявшийся в 1934 г., принес с собой значительные финансовые преимущества. Во Франкфурте меня всегда отправляли заниматься самыми интересными и важными делами, и у меня сложилось впечатление, что мои передвижения шли по плану, начертанному невидимой рукой. Мне приходилось расследовать дела высших партийных функционеров, заподозренных в административных правонарушениях. Дважды я ездил в Берлин, чтобы лично отчитаться министру внутренних дел доктору Фрику, который снабдил меня необходимыми документами, дававшими мне возможность быть вхожим к гаулейтерам – партийным руководителям областного уровня.

В это время бушевали сильные разногласия между Фриком, министром юстиции Гюртнером и гаулейтером Нюрнберга Юлиусом Штрейхером. Двое эсэсовцев были приговорены к десяти годам лишения свободы каждый, потому что один из них убил еврея молотком. Я был убежден, что другой эсэсовец невиновен, так как он лишь дал молоток убийце, не зная, для какой цели он был нужен. Поэтому однажды ночью я пошел в тюрьму и отпер дверь камеры этого человека, чтобы тот мог скрыться. Это «нарушение закона» заставило министра юстиции заявить яростный протест Штрейхеру.

Некоторое время спустя безо всякого предупреждения меня послали во Францию на четыре недели с приказом выявить политические взгляды некоего профессора Сорбонны, которого я однажды упомянул в одном из своих отчетов. Вскоре после возвращения из Франции меня вызвали в Берлин продолжать свою стажировку в министерстве внутренних дел. Я явился в отдел кадров министерства и был направлен к доктору Шаферу – начальнику отдела кадров гестапо, который вручил мне подробный распечатанный график моей будущей работы и деятельности, включая все места, куда мне следует явиться для получения дальнейших указаний и информации.

Для меня это был чрезвычайно интересный период. Чиновники на всех уровнях были со мной весьма дружелюбны и любезны, и каждая дверь открывалась для меня, словно какая-то невидимая сила бесшумно работала по всем сложным каналам этой огромной машины.

Однажды я получил распоряжение явиться к начальнику II департамента (тайная политическая полиция) оберфюреру СС Мюллеру, который фактически был начальником гестапо. Мюллер был сух и лаконичен. Это был человек невысокого роста, широкий в плечах, с почти квадратным крестьянским черепом и выступающим лбом, напряженными тонкими губами и пронизательными глазами, над которыми нависали нервно подергивавшиеся веки. У него были широкие, массивные ладони, а пальцы – квадратные, как коробки спичек.

Этому человеку, который начал свою карьеру как обычный сыщик в Мюнхене, суждено было сыграть очень важную роль в моей жизни. И хотя он собственным трудом проложил себе путь наверх, он никогда не забывал о своем происхождении. Однажды он сказал мне со своим грубым баварским акцентом: «На самом деле нужно загнать всех этих интеллектуалов в угольную шахту, а потом взорвать ее». Никакая форма настоящего диалога с ним была почти невозможна; с его стороны диалог почти целиком состоял из холодно сформулированных вопросов и представлял собой в основном допрос. И при этом все это время он стремился создать атмосферу искренности, а его баварский акцент должен был наводить на мысль о природном добродушии. Наш первый разговор закончился тем, что он сказал: «Гейдриху нравятся ваши отчеты. Вы были посланы к нам лишь по заведенному порядку. В действительности вы будете работать в главной канцелярии СД, которая подчиняется скорее партии, нежели правительству. А жаль, я мог бы лучше использовать вас в своем департаменте». Несмотря на дружеский жест, сделанный им при прощании, его глаза и выражение лица оставались совершенно холодными. В тот момент я не знал степень его неприязни к СД.

Наконец пролился некоторый свет на тайну моего продвижения по карьерной лестнице. Мюллер сказал, что именно Гейдрих заинтересовался мной. Таким образом, именно сам внушавший страх начальник СД был невидимой силой, которая вела меня, как пешку на шахматной доске, по всем каналам тайной полиции нацистов.

На следующий день я пришел в Центральное бюро СД. Оберфюрер СС, с которым я уже познакомился во Франкфурте, объяснил мне задачи и цели СД, которая была главным органом информационной службы партии. Ее задачей было информировать высших партийных лидеров об оппозиционных движениях и силах в стране и за границей. Она охватывала органы управления, партию, промышленность, театры, журналистику, полицию – фактически не было такой сферы, которая не находилась бы под бдительным оком СД, и такого места, где она не выискивала бы первые признаки оппозиции в среде общественных движений или отдельных лиц, «враждебных государству».

Эта колоссальная административная проблема была заботой оберфюрера СС доктора Мельхорна, и в последующий период я работал главным образом с ним. Этот человек создал для Гейдриха механизм, с помощью которого тот мог тайно следить за всеми сферами жизни в Германии. Информация собиралась по всей стране региональными организациями СД, которые соответствовали административному делению страны. В каждой организации были свои «почетные» агенты – доверенные информаторы, стратегически внедренные во все сферы дея-

тельности, профессии и отрасли промышленности. Обычно это были люди с большим опытом в своей профессиональной отрасли, которые таким образом имели возможность поставлять очень ценную информацию, уделяя особое внимание общественным мнениям и реакциям на законодательство, постановления и другие меры, предпринимаемые правительством.

По этому материалу каждые две недели готовилась оперативная сводка в штаб-квартире в Берлине с целью предоставить вождю Германии подробную и точную картину общественного мнения.

Для каждого человека, чье имя появлялось в этих сводках, заводилась карточка, и донесения давали перекрестные ссылки на обсуждаемую тему. Был построен огромный круглый стол, на котором размещались эти карточки. Этот стол имел электропривод, и, нажав кнопку, один человек, сидевший за пультом управления, мог легко найти любую из пятисот тысяч карточек. До этого времени лишь информационная служба, занимавшаяся сбором материала по Германии, была организована столь тщательно.

Кропотливая подготовительная работа, проделанная Мельхорном за предыдущие годы, стала фундаментом для власти Гейдриха. Следовало ожидать, что человек с таким характером, как у Гейдриха, избавится от него, как только тот сослужит свою службу. В 1937 г. Гейдрих спровоцировал судебный процесс против Мельхорна в «Суде чести», который привел к его увольнению со службы. Однако он был послан в кругосветное путешествие с заданием сообщать Гитлеру о событиях в мире. Его донесения о ситуации на Дальнем Востоке имели значительную и долговременную ценность для политического руководства, но сообщения о положении и трендах в США вводили в полное заблуждение, и Гитлеру была представлена совершенно неверная картина, описывающая ситуацию в Америке.

Глава 2

По приказу Гейдриха

Впечатления о Гейдрихе. – Дело против генерала фон Фрича. – Гиммлер – мистик. – Положение Гейдриха в опасности. – «Салон Китти». – Мои отношения с фрау Гейдрих. – Попытки ее мужа устроить мне ловушку. – Мне «содействуют» в заключении брака

Вскоре после того, как я начал работать в управлении, я был вызван на первое собеседование с грозным начальником СД Гейдрихом. С немалыми опасениями я шел к зданию гестапо, где находился его кабинет. Теперь, возможно, мне предстояло узнать, какие у него на меня планы.

Когда я вошел в кабинет, Гейдрих сидел за своим письменным столом. Это был высокий, импозантный мужчина с широким, необычно высоким лбом, небольшими беспокойными глазками, коварными, как у животного, обладавшими неизъяснимой силой, с длинным хищным носом и широким ртом с полными губами. У него были худые и слишком длинные руки – глядя на них, я подумал о паучьих лапах. Его красивую фигуру портили широкие бедра, волнующе женские, что придавало ему еще более зловещий вид. Его голос был слишком высоким для такого крупного мужчины, а его речь – нервной и отрывистой; и хотя он редкую фразу доводил до конца, ему всегда удавалось совершенно ясно выразить свою мысль.

Мое первое собеседование было довольно непринужденным. Он сначала заговорил о моей семье, а затем о музыке – сам Гейдрих был опытным скрипачом и часто устраивал в своем доме камерные музыкальные вечера. Он задал мне много вопросов о моем юридическом образовании, а особенно о том, по-прежнему ли я намереваюсь пытаться стать партнером известного барристера Х. в Дюссельдорфе. Он считал это хорошей идеей и сказал, что важно, чтобы образованные юристы, менее «закосневшие», чем юристы предыдущего поколения, и с умом, открытым для нового государства, вступали в общественную жизнь. Но это было лишь обычное вступление к нашему разговору. И когда он заговорил об организации и расширении контрразведывательной системы в Германии и секретной политической службы за границей, в его голосе появились серьезные и настойчивые интонации, и я почувствовал, что он пытается вызвать во мне аналогичный отклик.

Однако он ни разу не забыл о том, что беседует с подчиненным, и резко раскритиковал некоторые аспекты моей работы, предостерегая от склонности к юридическим формальностям. Через полтора часа он закончил беседу со мной, и я вышел из его кабинета, ошеломленный силой его личности до такой степени, что ни до, ни после я не переживал подобного чувства.

Когда я по-настоящему узнал Гейдриха в последующие годы, мое первое мнение о нем не изменилось. Этот человек был скрытым стержнем, вокруг которого вращался нацистский режим. Развитием целого государства косвенно руководил его сильный характер. Он был на голову выше всех своих политических коллег и управлял ими так же, как и огромной разведывательной машиной СД.

Чтобы понять этого человека, с которым я познакомился, когда он близился к пику своей карьеры, следует вспомнить кое-что из его прошлого. По окончании Первой мировой войны он начал службу на военно-морском флоте Германии в качестве курсанта офицерской школы, затем служил на крейсере «Берлин» кадетом под командованием будущего адмирала Канариса. Он получил повышение – звание лейтенанта, но ввиду своего поведения и особенно амурных

дел с женщинами ему пришлось предстать перед офицерским судом чести и подать прошение об освобождении от службы.

Без единого гроша, безработный, в 1931 г. через своих друзей в СС в Гамбурге он наконец был представлен Гиммлеру, который, чтобы испытать его, поручил разработать план организации, которая должна была стать партийной службой безопасности (СД).

Гейдрих был невероятно проницателен в отношении моральных, человеческих, профессиональных и политических слабостей людей, а также был способен видеть политическую ситуацию во всей ее целостности. Его необычный ум был как у хищника, всегда находящегося настороже, всегда бдительного к опасности и готового действовать быстро и безжалостно. Все, что его инстинкт засекал как полезное, он принимал, использовал, а затем в случае необходимости отбрасывал с такой же быстротой. Все, что казалось излишним или представляло хоть малейшую угрозу или неудобство, отбрасывалось.

Он был чрезмерно честолюбив. Казалось, будто в стае свирепых волков он всегда должен был доказывать, что он самый сильный, и захватывать лидерство. Он должен был быть первым, самым лучшим во всем независимо от средств достижения цели – обмана, предательства или насилия. Не испытывая угрызений совести, при помощи холодного как лед интеллекта он мог доводить несправедливость до крайней жестокости.

По отношению к своим помощникам и коллегам, высшим партийным лидерам вроде заместителя Гитлера Рудольфа Гесса, начальника рейхсканцелярии Мартина Бормана и гаулейтеров он действовал по принципу «разделяй и властвуй» и даже применял его к своим отношениям с Гитлером и Гиммлером. Решающим для него всегда было знать больше других, знать все обо всех, касалось ли это политического, профессионального или самых интимных личных аспектов их жизни, и использовать эти знания и слабости других так, чтобы сделать их полностью зависимыми от него, от самых высокопоставленных до самых нижних чинов. Именно это давало ему возможность удерживать баланс сил и манипулировать им в гуще интриг и противоречивых личных амбиций, соперничества и вражды, в то время как сам он оставался в тени. Он был мастером сталкивать лбами противников друг с другом, давая каждому под клятвой строгой секретности пагубную информацию о его сопернике и получая еще более вредоносную информацию взамен. Гейдрих был фактически кукловодом Третьего рейха.

Он сделал Гитлера зависимым от себя, выполняя все его самые безумные планы и таким образом делая себя незаменимым. Он подавал Гиммлеру блестящие идеи, так что тот мог отличиться на совещаниях с Гитлером, Гессом, Борманом и Генеральным штабом, и при этом делал это настолько тактично, что Гиммлер и не подозревал, что эти идеи были не его собственные.

Единственной слабостью Гейдриха, которой он отдавался безудержно и без осторожности, был его неуправляемый сексуальный аппетит, и здесь расчетливый контроль, который характеризовал его во всем остальном, полностью покидал его. Но, в конце концов, он всегда в достаточной степени овладевал собой, чтобы предотвратить серьезные последствия.

В феврале 1938 г. Гейдрих оказался вовлеченным в конфликт с главнокомандующим сухопутных войск Германии генералом фон Фричем. Одна из «темных лошадок» из его окружения – главный инспектор Мейзингер, бывший мюнхенский сыщик, принес Гейдриху, как он считал, убедительное доказательство того, что генерал фон Фрич виновен в серьезных аморальных проступках. Вполне вероятно, что Гейдрих был рад принять за чистую монету избыточные улики против главнокомандующего армии Германии. Как бы то ни было, он передал эти материалы Гиммлеру и Гитлеру, не проверив их достоверность. К тому времени, когда он понял, что Мейзингер совершил серьезную ошибку, было уже слишком поздно, и он решил поддержать обвинение перед вышестоящими лидерами. Фактически он хотел, чтобы генерал был несправедливо обвинен, а его собственная оплошность скрыта.

Но суд чести, созванный рейхсвером под руководством Геринга (одним из результатов этого дела стала серьезная напряженность между Герингом и Гейдрихом), вывел истину на

свет. Главный свидетель обвинения дал определенные показания о гомосексуальной практике, но эти показания касались не генерала фон Фрича, а офицера кавалерии по фамилии фон Фрич – была допущена невероятная грубая ошибка. Суд установил несомненную невиновность генерала фон Фрича. Тем не менее, несмотря на это, Гитлер воспользовался этим инцидентом, чтобы вынудить фон Фрича подать в отставку «по причине слабого здоровья». Фон Браухич, позднее повышенный до фельдмаршала, сменил его на посту главнокомандующего сухопутных войск.

В ходе разбирательства дела фон Фрича я впервые стал свидетелем некоторых необычных приемов, к которым прибегал Гиммлер, склонный к мистицизму. Он собрал двенадцать своих самых доверенных руководителей СС в комнате рядом с той, в которой задавали вопросы фон Фричу, и приказал им всем сосредоточиться мысленно на том, чтобы оказать гипнотическое воздействие на генерала, чтобы заставить его сказать правду. Я случайно вошел в эту комнату и увидел этих двенадцать эсэсовцев, сидевших кружком и погруженных в глубокую медитацию, – это было поистине поразительное зрелище.

Организация СС была создана Гиммлером на принципах Ордена иезуитов. Служебный устав и духовные упражнения, предписанные Игнатием Лойолой, стали тем образцом, который Гиммлер усердно старался копировать. Абсолютное повиновение было высшим правилом; каждый приказ должен был исполняться беспрекословно.

Звание Гиммлера – рейхсфюрер СС, то есть высший руководитель СС, должно было соответствовать Великому магистру ордена, а вся структура руководства организацией была заимствована из иерархии ордена католической церкви.

Средневековый замок у Падерборна в Вестфалии был перестроен и превращен в нечто вроде монастыря СС, так называемый Вевельбург. Здесь раз в год собирался капитул ордена. У каждого члена капитула было свое кресло с выгравированным на серебряной пластине именем, и каждый должен был выполнять духовные упражнения, нацеленные главным образом на мысленную концентрацию.

Гиммлер родился в 1900 г. в семье дочери зеленщика из Савойи и бывшего работника баварского суда. Он был воспитан в строжайшем соблюдении канонов католической веры, но вскоре отдался от церкви, возможно, из-за ненависти к деспоту-отцу; однако лишь после смерти отца он осмелился покинуть церковь. Его отец хотел, чтобы он стал фермером, но, послужив прапорщиком в Первую мировую войну, после поражения Германии он присоединился к движению Гитлера. Уже в 1926 г. он стал рейхсфюрером Schutzstaffel, то есть начальником СС (отрядов охраны) Гитлера.

Перед заседанием суда чести, который должен был судить генерала фон Фрича, я получил указание явиться к Гейдриху вооруженным служебным пистолетом и взять достаточное количество патронов. Когда я пришел к Гейдриху, он пригласил меня отужинать с ним в его канцелярии. По дороге на ужин он сказал: «Я слышал, что вы отлично стреляете из пистолета». Я подтвердил это.

Мы сели за стол – Гейдрих, его адъютант и я – и ели в молчании. И хотя я был озадачен всей ситуацией, я был благоразумен и не задавал вопросов, так как Гейдрих был явно в состоянии крайнего напряжения. После обеда он принял большое количество таблеток аспирина. Затем внезапно он сказал безо всякого предисловия: «Если они не выйдут из Потсдама в течение полутора часов, минует величайшая опасность».

Он постепенно расслабился и начал объяснять. Через армейских информаторов Гейдрих узнал, что офицеры Генерального штаба, разгневанные позорным судебным процессом против популярного среди них главнокомандующего, обдумывали самые решительные контрмеры, а офицеры в Потсдаме даже обсуждали возможность прибегнуть к силе против власти. Гейдрих знал, что если они соберутся нанести удар, то это произойдет в тот вечер. Разумеется, он при-

нял все меры предосторожности, но все равно нервничал и, зная о моем стрелковом искусстве, хотел, чтобы я был рядом с ним в этот вечер.

После часа ночи я получил разрешение уйти. Выходя вместе со мной из здания, адъютант Гейдриха сказал тихо: «Сегодня вечером не было никаких свидетельств большого героизма». Я покачал головой.

Это дело, безусловно, повредило на время положению Гейдриха, и ему понадобились все его искусство и хитрость, чтобы вернуть себе прежние позиции. Он немедленно сместил М. и назначил доктора Беста директором по расследованию уголовных дел в гестапо.

С самого начала Гейдриху понравились моя работа и мои отчеты, и по мере развития наших отношений я лучше узнал его и начал понимать его замыслы. По существу, его отношение ко мне было таким же, как и ко всем его подчиненным. Это было нечто вроде игры в кошки-мышки, в которую он играл, применяя хитрость и обман. Гейдрих, всегда игравший роль кошки, не успокаивался до тех пор, пока мышка не окажется полностью в его власти; при малейшей попытке убежать мышку ждала гибель.

В моем случае успех его сначала не ждал. За рамками своей работы я приобрел некоторую личную ценность для Гейдриха как средство получить социальные контакты в сферах, в которые он иначе не смог бы попасть, – интеллектуальные и культурные круги берлинского общества. Его жена – холодная нордическая красавица, не лишенная собственных гордости и амбиций, но все же полностью поработанная Гейдрихом, с радостью нашла во мне человека, который мог удовлетворить ее жажду лучшего в жизни, ее желание войти в более интеллигентное и образованное общество в мире литературы и искусства.

Когда Гейдрих впервые узнал о культурных стремлениях своей супруги, его охватили подозрения. Но несмотря на подострастие, до которого он низвел ее, фрау Гейдрих сохранила сильную личность. В конечном счете, Гейдрих благосклонно сдался и занялся верховой ездой, стал бывать на концертах и в театрах, куда мы ходили втроем, и начал появляться в лучших кругах берлинского общества.

Но я не знал, что он использовал эти новые отношения между своей женой и мной для того, чтобы устроить ловушку. Мы имели обыкновение проводить вторую половину дня и вечера за игрой в бридж, как он говорил, в «милом тесном семейном кругу»; при этом он играл роль преданного мужа, а на следующий вечер он звонил мне – в его голосе слышалась многозначительная ухмылка – и говорил: «Сегодня вечером мы выходим в свет вместе – в штатском. Мы где-нибудь поужинаем, а потом поедем по разным местам».

За ужином он начинал говорить неприличные вещи и пытался заставить меня пить алкоголь, по мере того как мы ходили из бара в бар, но я все время отговаривался тем, что неважно себя чувствую; ему никогда не удавалось меня уговорить.

Однажды вечером он решил, что неплохо было бы, чтобы для СД появилось заведение, где важные посетители из других стран могли бы «развлекаться» в компании соблазнительных женщин. В такой атмосфере самый стойкий дипломат может расслабиться и выдать полезную информацию.

Прошло немного времени, и я получил приказ от Гейдриха создать такое заведение, так как растущее количество приезжающих иностранных дипломатов и сопровождавших их лиц делало такое место почти общественной необходимостью. Заведение должно было называться «Салон Китти».

С помощью безобидного бизнесмена был арендован большой дом в фешенебельном районе Берлина. Меблировкой и украшением занимался ведущий архитектор, а затем к работе приступили технические специалисты. Были построены двойные стены для установки микрофонов, которые были связаны автоматической трансмиссией с магнитофонами, они должны были записывать каждое слово, сказанное в этом доме. За эту аппаратуру отвечали трое техников из нашего департамента, связанные подпиской о неразглашении. Мнимому владельцу

дома был предоставлен необходимый штат домашней и ресторанной прислуги, чтобы это заведение могло предложить самые лучшие обслуживание, еду и напитки.

Следующей проблемой было найти женщин, которые могли бы развлекать посетителей. Я отказался заниматься этим. Как я заметил Гейдриху, в моем отделе работают самые ценные женщины-агенты, и я не могу позволить, чтобы им была поручена такая работа.

Один из подчиненных Гейдриха Артур Небе, возглавлявший уголовную полицию, много лет проработал в полиции нравов и согласился решить этот вопрос. Из всех крупных городов Европы он набрал самых высококвалифицированных и образованных женщин полусвета. И с сожалением могу сказать, что довольно много женщин из высшего общества Германии были готовы служить своей стране таким образом.

«Салон Китти», безусловно, принес результаты: некоторые гости выдавали самую удивительную информацию. Это были в основном дипломатические секреты, которые Гейдрих с его обычной ловкостью использовал против самого Риббентропа и его министерства иностранных дел, так как никто, даже сам Риббентроп, не знал, кому на самом деле принадлежал «Салон Китти». Одним из самых больших уловок был министр иностранных дел Италии граф Чиано, который ходил туда с другими высокопоставленными дипломатами.

Гейдрих, разумеется, не упускал возможности, как он говорил, «провести личную инспекцию» заведения, но в таких случаях я получал приказ выключить подслушивающую и записывающую аппаратуру. Из этого возникла одна из характерных для Гейдриха интрижек.

Рассказав Гиммлеру о «Салоне Китти» и важности получаемой там информации, он затем пожаловался, что во время одной из его «инспекций» я не выключил записывающую аппаратуру, несмотря на строгий приказ сделать это. Потом он вызвал меня к себе в кабинет и сказал: «Я не знаю, как Гиммлер получил такую информацию, но он говорит, что, несмотря на мой приказ, вы оставили включенной подслушивающую аппаратуру, когда я проводил инспекцию „Салона Китти“».

Но этот план не сработал, так как я немедленно получил заявления под присягой от всего технического персонала, которые подтвердили, что я выполнил его приказ.

Его следующий заговор против меня был более опасным. На острове Фемарн в Балтийском море проходило совещание руководства СС и полиции. Жена Гейдриха приехала с этого острова, где в их собственности была очаровательная летняя вилла. После совещания Гейдрих, который ранее был пилотом истребителя, улетел в Берлин на своем собственном самолете. Так как у меня был один свободный день, я остался. Во второй половине дня фрау Гейдрих попросила отвезти ее на озеро Плён. Это была безобидная поездка. Мы пили кофе и разговаривали об искусстве, литературе и концертах – фактически обо всех тех вещах, которые ее сильно интересовали и о которых у нее не было возможности поговорить в другое время. Еще до наступления темноты мы поехали назад.

Четыре дня спустя в Берлине начальник гестапо группенфюрер СС Мюллер сказал мне, что Гейдрих хочет, чтобы мы вышли в свет в штатском. Я подумал, что это будет одна из его обычных эскапад, и принял приглашение не задумываясь, хотя в то время я не был в хороших отношениях с Мюллером. Как часто бывает с людьми, которые постоянно ощущают опасность для жизни, я был суеверным, и у меня появилось довольно неприятное предчувствие относительно этого вечера. Но Гейдрих был в самом прекрасном расположении духа, и это чувство вскоре рассеялось. Он не хотел слышать, как обычно, о самых последних шпионских делах и сказал, что в виде исключения мы вообще не будем говорить на служебные темы.

После ужина в известном ресторане мы зашли в малоизвестный бар неподалеку от Александерплац. Я обратил внимание, что у бармена самый зловещий вид. Мюллер заказал напитки и передал мне мой бокал. Мы вели непринужденный разговор главным образом о личном самолете Гейдриха до тех пор, пока Мюллер вдруг не сказал мне: «Ну, как там было на озере Плён? Хорошо провели время?» Я посмотрел на Гейдриха. Он был очень бледен. Я быстро взял себя

в руки и спросил его, хочет ли он узнать о моей поездке с его женой. Холодным свистящим голосом он сказал: «Вы только что выпили яд. Он может убить вас за шесть часов. Если вы расскажете мне полную и абсолютную правду, я дам вам противоядие – но мне нужна правда».

Я не поверил ни единому его слову. Гейдрих был вполне способен сыграть такую ужасную шутку с идеально невозмутимым лицом, и все же... Я почувствовал, как у меня внутри разрастается напряжение, и мне стало казаться, что мое сердце сейчас разорвется. Но мне нечего было скрывать, и спокойно, как только мог, я правдиво рассказал ему о событиях той половины дня.

Мюллер очень внимательно слушал, как я рассказывал, и один раз прервал меня: «После кофе вы пошли прогуляться с женой вашего шефа. Почему вы скрываете это? Вы же наверняка понимали, что за вами наблюдают все это время?»

И опять правдиво, насколько мог, я описал нашу пятнадцатиминутную прогулку и передал содержание нашего разговора.

Когда я закончил, Гейдрих сидел неподвижно, углубившись в себя на несколько минут. Наконец он взглянул на меня сверкающими глазами и сказал: «Что ж, полагаю, я должен вам верить, но вы дадите мне честное слово, что вы больше не будете совершать такие прогулки».

К этому моменту я уже овладел собой и сказал вызывающе: «Честное слово, полученное таким образом, – это вымогательство. Сначала я должен просить вас дать мне противоядие, – всегда лучше подстраховаться, имея дело с Гейдрихом, – а потом я дам вам слово чести. Как бывший офицер военно-морского флота, не считаете ли вы, что благородно было бы действовать как-то иначе?»

Гейдрих пристально посмотрел на меня. Ему сильно не понравилась апелляция к его чести, но он кивнул, и мне дали – к моему удивлению – сухой мартины. Было ли это мое воображение, или оно действительно имело особенный вкус? Безусловно, в нем была добавленная нотка горечи, как мне показалось. Я дал Гейдриху честное слово, а затем ввиду того, что произошло между нами, я попросил меня извинить. Но он не желал об этом слушать, и мы продолжили свое вечернее веселье. И снова ему не удалось поймать меня в западню.

В конце концов, я отдал себя в его власть исключительно по собственной воле. В 1940 г. я был помолвлен и собирался жениться во второй раз, а как член СС, я должен был подать *Ahnenpapiere*, или свидетельство о расовой наследственности. Тогда я обнаружил, что мать моей невесты – полька. Получить официальное разрешение на такой брак было бы трудно, так как я знал, как партийное руководство относится к Польше. Так что в конце одного из моих регулярных отчетов Гейдриху я попросил его о помощи в личном деле и рассказал ему о своем затруднении. К моему удивлению, он согласился сделать все, что в его силах, чтобы убедить Гимmlера дать мне официальное разрешение на брак. Он велел мне прислать ему все документы о наследственности семьи моей невесты и приложить к ним две ее фотографии.

Через четыре дня я получил экземпляр приказа Гимmlера для передачи в *Rasse und Siedlungshauptamt* (Главное управление СС по вопросам расы и поселения), в котором мне было дано официальное разрешение на брак. Гейдрих вручил мне этот приказ, сопроводив это своими наилучшими пожеланиями. (Он также вернул мне фотографии моей невесты, на которых Гимmlер раскрасил ее губы и брови зеленым карандашом и добавил приписку, в которой назвал их «преувеличенными».) Я задавался вопросом, что побудило их обоих дать мне это особое разрешение.

Я был женат уже шесть месяцев, когда однажды моя секретарша вручила мне папку с пометкой *Geheime Reichssache* (совершенно секретно). Это была тогда самая высокая степень секретности, используемая главным образом для связи между начальниками департаментов. Но так как по крайней мере восемьдесят таких папок проходили через мои руки каждый день, я открыл эту папку как обычно. В ней лежало тайное донесение из государственной полиции города Позена, адресованное лично начальнику гестапо Мюллеру. Это был подробный отчет о

наблюдении за семьей моей жены в Польше. Среди всего прочего там упоминалась сестра моей тещи, которая была замужем за владельцем мельницы еврейского происхождения. Гейдриху наконец удалось получить власть надо мной, и по странной прихоти судьбы именно я дал ему эти карты в руки. Теперь он был удовлетворен и оставил все попытки поймать меня в западню.

Но, прослеживая ход махинаций Гейдриха против меня, я убежал вперед в своем повествовании и должен возвратиться к 1937 г.

Глава 3

Вооруженные силы Германии и Красная армия

*Зловещий бизнес. – Сотрудничество между немецким и русским штабами. –
Оппозиция генерала Гофмана и промышленника Рехберга. – Подозрение
в отношении маршала Тухачевского. – Российско-германский пакт
предопределен. – Продажа досье на Тухачевского посланцу Сталина*

В начале 1937 г. я получил указание провести для Гейдриха исследование прошлых отношений между рейхсвером и Красной армией. Человек, который принес мне это задание, был сельским жителем по имени Янке из Померании и на протяжении многих лет был ключевой фигурой в немецкой разведке. Позднее у меня была возможность заглянуть в его личные папки – ими были заполнены три ящика – и познакомиться с жизнеописанием этого удивительного человека.

Янке был сыном землевладельца из Померании. Перед Первой мировой войной он эмигрировал в Америку и переезжал там с места на место, пока наконец не вступил в пограничную полицию иммиграционной службы США. По службе он вступил в контакт с китайскими группировками в Сан-Франциско (говорят, Чайна-Таун в этом городе самый большой в восточном мире) и благодаря этим связям оказался в сфере самой необычной торговли. Китайцы, чья религия доходит почти до боготворения своей родины, хотели отправлять в Китай тела своих умерших в США родственников, но из соображений санитарии власти США запрещали это делать. Янке пришла в голову блестящая идея изготавливать вместо деревянных гробов цинковые ящики в качестве воздухопроницаемых контейнеров, которые он без труда отправлял в Шанхай и Гонконг и за каждого умершего китайца, таким образом возвращенного на землю его предков, получал тысячу долларов. За короткое время он стал очень богатым человеком. Китайцы были настолько ему благодарны, что посредством самых торжественных ритуалов сделали его членом семьи великого Сунь Ятсена. Разумеется, это обеспечило Янке самые лучшие связи в Китае. (Например, мадам Чан Кайши является членом этой семьи.) Позднее он также установил ценные связи с японской разведкой.

Во время Первой мировой войны Янке работал на немецкую разведку. Крупные забастовки докеров и транспортных рабочих в портах Восточного побережья Соединенных Штатов были результатом его деятельности. Когда позднее он возвратился в Германию, он стал экспертом Рудольфа Гесса по разведке и шпионажу. С политической точки зрения его интересовали только самые важные вопросы. Это был крупный, тяжеловесный мужчина с крепким черепом померанского крестьянина, и, когда он неподвижно сидел напротив, полуприкрыв глаза, он производил впечатление сдержанного и хитрого человека. Он любил жить на широкую ногу.

Проведя исследование и собрав материал, я сделал устный доклад Гейдриху в его охотничьем доме – это была почти лекция на историческую тему, которая за последние годы приобретала все большую важность для нацистского режима: главный конфликт в политике Германии между ее ориентацией на Западную Европу и Россию.

Достаточно удивительно то, что самую большую поддержку политике сотрудничества с Советской Россией в Германии оказывали армейские офицеры Генерального штаба. С 1923 г. существовало сотрудничество в области подготовки офицеров и обмена технической информацией между немецкой и Красной армиями. В дополнение к этому в обмен на определенные патенты Германии было позволено наращивать производство вооружений в Советском Союзе. В то же время политика Сталина состояла в том, чтобы поддерживать немецкий национализм

в надежде на поворот Германии против западной буржуазии, и соответственно он указал Коммунистической партии Германии считать своим главным врагом не национал-социалистическую партию Гитлера, а социал-демократов.

Главный центр оппозиции пророссийской партии в немецком Генеральном штабе находился среди немецких промышленников, которые надеялись на союз цивилизованных сил против опасностей большевизма. Под руководством генерала Гофмана, который возглавлял немецкую делегацию в Брест-Литовске и вел переговоры о перемирии в 1918 г., и Арнольда Рехберга – ведущего промышленника Германии было приложено много усилий, чтобы добиться слияния европейских политических, военных и промышленных кругов в борьбе против общего врага. Некоторое время генерал Людендорф оказывал поддержку этому плану, но после смерти Гофмана в 1927 г. Людендорф утратил веру в западных союзников, и такую политику стало невозможно проводить при сопротивлении Генерального штаба Германии.

Такова вкратце была основа моего доклада, который я сделал Гейдриху в 1937 г., мало понимая в то время, какие исторические решения он предвещает.

Ранее Гейдрих получил информацию от белогвардейского эмигранта генерала Скоблина, что маршал Советского Союза Тухачевский вошел в заговор с Генеральным штабом Германии с целью свержения власти Сталина.

Гейдрих сразу же понял колоссальную важность этих разведанных. Если их использовать правильно, то можно нанести такой удар по командованию Красной армии, от которого она не оправится много лет.

Янке придерживался иного мнения. Он предупредил Гейдриха, что Скоблин, возможно, ведет двойную игру, и эта информация может быть сфабрикована русскими и передана Скоблину по приказу Сталина. По мнению Янке, Сталин преследовал здесь двойную цель: он хотел ослабить немецкий Генеральный штаб, возбудив подозрения Гейдриха против него, и в то же время иметь возможность действовать против советской военной группировки, которую возглавлял Тухачевский. Янке полагал, что из-за внутренних проблем в правительстве Советского Союза Сталин сам не хотел затевать судебный процесс против своих генералов, а предпочел бы, чтобы изобличающий материал прибыл из-за границы.

Гейдриха не убедили тонкие рассуждения Янке. На самом деле его подозрения обратились на самого Янке, чья точка зрения, как он считал, мотивирована лояльностью Генеральному штабу. Гейдрих немедленно посадил Янке под домашний арест на три месяца.

В это время Гейдрих передал информацию Скоблина о Тухачевском Гитлеру. Сам материал был неполным. Он не содержал документальных доказательств активного участия командования немецкой армии в заговоре Тухачевского. Гейдрих признавал это и сам добавил фиктивный материал с целью обличить немецких генералов. Он считал, что с его стороны это оправданный шаг, если тем самым он сможет ослабить растущую мощь Красной армии, которая угрожала превосходству рейхсвера. Следует помнить, что Гейдрих был убежден в подлинности информации, полученной от Скоблина, и ввиду последующих событий, я полагаю, он оказался прав. Сфабрикованные им фальшивки должны были подкрепить и придать больше убедительности информации, которая сама по себе была достоверной.

Гитлер на тот момент стоял перед принятием важного решения: объединиться с западными державами или выступить против них. И в рамках этого серьезного решения он также должен был прийти к заключению, как использовать тот материал, который принес ему Гейдрих. С одной стороны, поддержка Тухачевского могла означать конец России как мировой державы, но неудача вовлекла бы Германию в войну; с другой стороны, разоблачив Тухачевского, он мог бы помочь Сталину укрепить его силы или же толкнуть его на уничтожение большей части его Генерального штаба. В конечном счете Гитлер решил не в пользу Тухачевского и вмешался во внутренние дела Советского Союза на стороне Сталина.

Решение встать на сторону Сталина вместо Тухачевского и генералов определило весь ход политики Германии до 1941 г., и его можно справедливо считать одним из самых роковых решений нашего времени. В конечном счете оно привело Германию к временному альянсу с Советским Союзом и поощрило Гитлера напасть на Западную Европу, прежде чем атаковать Россию. Как только Гитлер принял это решение, Гейдрих, разумеется, поддержал его.

Гитлер недвусмысленно приказал, чтобы члены Генерального штаба сухопутных войск Германии не узнали ничего о планируемом шаге против Тухачевского, опасаясь, что они могут предупредить советского маршала. Так что однажды ночью Гейдрих отправил две группы спецназначения, чтобы они проникли в секретные архивы Генерального штаба, абвера и военной разведки и контрразведки, подчиненных адмиралу Канарису. В этих группах были специалисты по взломам из управления уголовной полиции. В трех местах они нашли и изъяли материалы, касавшиеся сотрудничества немецкого Генерального штаба и Красной армии. Важные документы были также найдены в папках адмирала Канариса. Чтобы скрыть следы взлома, архивы были подожжены, и вскоре пожар скрыл все свидетельства вторжения. В последовавшей за этим суматохе спецгруппы благополучно скрылись, никем не замеченные.

Утверждалось, что материалы, собранные Гейдрихом против Тухачевского, состояли главным образом из фальшивок. На самом деле очень немногие документы были сфабрикованы – ровно столько, сколько потребовалось, чтобы заполнить некоторые пробелы. Это подтверждает тот факт, что все внушительное досье было подготовлено и представлено Гитлеру за короткое время – четыре дня.

После тщательного рассмотрения было решено связаться со Сталиным по следующим каналам: один из наших агентов-дипломатов, работавший под началом штандартенфюрера СС Бёме, был немецким эмигрантом, проживавшим в Праге. Через него Бёме вступил в контакт с заслуживавшим доверия другом доктора Бенеса, который в то время был президентом Чехословацкой республики. Доктор Бенес немедленно написал личное письмо Сталину, ответ которого пришел к Гейдриху по тем же каналам; в письме содержалась просьба связаться с неким представителем советского посольства в Берлине. Мы это сделали, и этот русский немедленно вылетел в Москву и вернулся в сопровождении личного посланника Сталина, который представил специальный мандат от Ежова, который в то время возглавлял ГПУ.

Сталин спросил, какую цену мы просим за эти материалы. Ни Гитлер, ни Гейдрих не думали, что возможна какая-то финансовая перспектива в этом деле. Однако, чтобы сохранить лицо, Гейдрих попросил три миллиона рублей – и эту сумму сталинский эмиссар после беглого просмотра документов заплатил немедленно.

Материалы против Тухачевского были переданы русским в середине мая 1937 г. Как известно, суд над Тухачевским проводился тайно. Суд состоял главным образом из советских маршалов и командиров Красной армии. Обвинительный акт был подготовлен Военным советом, а обвинителем был Андрей Вышинский.

Тухачевский и другие заговорщики были арестованы вечером 4 июня 1937 г. После того как он совершил безуспешную попытку самоубийства, суд начался в десять часов утра 11 июня и закончился в девять часов вечера того же дня. Согласно сообщениям ТАСС в тот день, все подсудимые признали свою вину. Практически больше никакие подробности не были опубликованы. Заключительное слово Вышинского по процессу заняло едва ли двадцать минут. Он потребовал исключения подсудимых из рядов Красной армии и их расстрела. Приговор был приведен в исполнение спустя четыре часа. По приказу Сталина расстрельным взводом командовал маршал Блюхер (который сам пал жертвой одной из более поздних чисток). Из той судебной коллегии остались живы лишь Ворошилов и Буденный.

Лично мне пришлось уничтожить большую часть из тех трех миллионов рублей, уплаченных нам русскими, потому что эта сумма была в банкнотах высокого достоинства, номера которых, очевидно, были переписаны ГПУ. Когда один из наших агентов попытался исполь-

звать их на территории Советского Союза, он был арестован через поразительно короткое время.

Так дело маршала Тухачевского стало подготовительной ступенью к установлению дружеских отношений между Гитлером и Сталиным. Оно стало поворотным пунктом в решении Гитлера обезопасить свой Восточный фронт союзом с Россией, в то время как он готовился напасть на Западную Европу.

Глава 4

Оккупация Австрии и Чехословакии

Подготовка к аншлюсу. – Прием Гитлера в Вене. – Бомба на пути следования. – Визит Гитлера к Муссолини. – Меры предосторожности в Италии. – Позиция судетских немцев. – Секретный приказ о разделе Чехословакии. – Германия устанавливает «протекторат» над чехами

В начале 1938 г. я получил указание собрать и отредактировать все отчеты, которые должны были быть поданы Гитлеру и касались отношения Италии к планируемой аннексии Австрии и ее включению в Германский рейх. Большое значение также придавалось, разумеется, и отношению других западных держав к этому вопросу. Решающим событием стал уход в отставку Энтони Идена. Вскоре мы узнали, что его преемник в министерстве иностранных дел лорд Галифакс не относится к аншлюсу Австрии враждебно. Вероятно, именно это значительно повлияло на решение Гитлера.

Разведанных из самой Австрии было так много, что главной проблемой было справиться с их количеством. Тысячи нацистов, недавно бежавших из Австрии, дали нам все необходимые контакты.

12 февраля 1938 г. федеральный канцлер Австрии Курт фон Шушниг вел переговоры с Гитлером в Оберзальцберге. Он обещал ограничить и подавить деятельность антигерманского «Отечественного фронта». Когда оказалось – а это случилось скоро, – что он не может выполнить свое обещание, Гитлер решил ускорить этот процесс. Опережая вторжение немецкой армии, Шушниг ушел в отставку 11 марта. Лидер австрийских нацистов Зейсс-Инкварт сразу же взял управление в свои руки. Гитлер отдал немецкой армии приказ на марш.

В ту же ночь, когда немецкая армия вошла в Австрию, 11 марта, я получил приказ вылететь в Вену с Гиммлером. С нами были батальон войск СС – чисто военное подразделение – и несколько членов так называемого австрийского легиона, сформированного в Германии.

Мы вылетели из берлинского аэропорта Темпельхоф на двух больших транспортных самолетах. Это был довольно неприятный полет. Самолеты были сильно перегружены, и погодные условия были неблагоприятными. Большую часть пути мы не видели землю и потеряли радиосвязь с Веной.

Во время полета Гиммлер обсуждал со мной различные административные вопросы, которые возникли в связи с формированием новой Восточной марки – как с того момента стала называться Австрия. Мы ушли в хвост самолета, чтобы быть подальше от шума мотора. Гиммлер стоял, прислонясь к двери, и я заметил, что она не заперта, и в любой момент дверь могла открыться под тяжестью его тела. Я схватил его за китель и отдернул его от двери. Он гневно посмотрел на меня, но, когда я показал ему, что дверь не была заперта, он поблагодарил меня и сказал, что если когда-нибудь у него появится возможность, то он будет счастлив отплатить мне тем же.

Наконец мы приземлились в Вене в четыре часа утра. В это время происходила смена администрации, и в стране прочно воцарилось правительство доктора Зейсс-Инкварта. В Федеральном дворце, где заседало центральное правительство Австрийской конфедерации, царил бурная деятельность. Там постоянно проходили совещания и заседания. В приемных и коридорах взволнованные люди торговались за правительственные посты, которые еще оставались вакантными.

Огромная толпа заполнила площадь перед зданием. Полицейские обязанности уже были возложены на австрийские СА и СС, которые носили белые повязки на рукавах. Почти незаметно для толпы президент Австрийской республики доктор Миклас и министр полиции Скубл покинули здание, согбенные и подавленные.

Тем временем прибыл Гейдрих. Я доложил ему о положении вещей, и он велел мне взять под свой контроль все папки с документами начальника австрийской разведки полковника Ронге. Найденные мной бумаги были не самыми актуальными, хотя среди них были интересные материалы о шифровальных кодах. Сам полковник Ронге выразил готовность работать на немецкую разведку.

В течение двух следующих недель мне пришлось работать над черновиками законов и указов – особенно тех, которые имели отношение к системе безопасности, – направленных на административную интеграцию Восточной марки в рейх. Мне также пришлось предложить внести необходимые изменения в кадровый состав соответствующих департаментов. Это была довольно тяжелая задача, выполнение которой не облегчали постоянные помехи.

Прием Гитлера в Вене был огромной личной победой. Я никогда, за исключением, возможно, его визита в Италию, не видел таких огромных, воодушевленных и радостных толп народа. Незадолго до его приезда безо всякого предупреждения я оказался ответственным за меры безопасности его поездки по Вене. На последующие двенадцать часов я должен был стать единственным полностью ответственным за безопасность фюрера.

По мере ежеминутного поступления по телефону сообщений о его продвижении к центральному полицейскому управлению огромная карта помечалась маленькими белыми флажками, которые показывали маршрут его поездки. Меры безопасности во всех районах работали превосходно, но вдруг пришло сообщение о том, что у моста были арестованы три подозрительных человека. Они признались, что мост был заминирован и они находились там, чтобы взорвать заряд. Меня спросили, следует ли изменить маршрут движения Гитлера и подготовить новый. Я знал, как он не любит изменять установленную программу, так что ввиду этой информации ответственность за разрешение ему ехать дальше лежала на мне тяжелым грузом. Он должен был оказаться у моста через восемь минут. Если бы я мог добраться до него раньше Гитлера и убедиться в том, что все безопасно...

Я оставил другого человека временно отвечать за командный пункт и быстро поехал к мосту. У меня ушли несколько минут на то, чтобы осмотреть заряды и попытаться убедиться, что они уже безвредны. Насколько я мог видеть, все выглядело нормально. Я уже слышал звуки приближающегося кортежа Гитлера, и вот уже его автомобиль въехал на мост. Он благополучно проехал по нему, и с чувством огромного облегчения я вернулся в центральное управление. В тот вечер я был очень рад возвратить вверенные мне полномочия Мюллеру.

Несмотря на сообщения о растущем напряжении между Гитлером и Муссолини из-за аннексии Австрии, дуче молча признал ее. Вскоре после своего триумфального въезда в Вену Гитлер нанес визит Муссолини в Италии, чтобы продемонстрировать миру, что дружба и единство цели между ними остались нерушимы.

Я вылетел раньше вместе с Мюллером, чтобы принять меры безопасности для его приезда. Итальянские власти оказались чрезвычайно отзывчивыми; нам нужно было всего лишь озвучить то или иное желание, чтобы оно было исполнено. Они прилагали величайшие усилия к тому, чтобы произвести на нас впечатление своей работоспособностью, фашистской дисциплиной, мощью своего оружия и демонстрацией грандиозного великолепия и традиций.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.